Таваришшу своёму наказалъ: „служи́ и правь этѣмъ городомъ! я къ тебѣ буду пріѣзжать почáшше, навѣшшáть тебя“.—А женѣ своей сказалъ, царской дóчерѣ, што „ты отцу своёму не выражáй тѣ рѣчи, што я Вáрегинъ! мы такъ съ тобой и изживёмъ вѣкъ“. — И сталъ онъ съ царской дочерью жить.

---

15. „Побывальшинка“. [Легенда].

1. Жилъ былъ старичóкъ. До товó добúлся, што ему уже питàцца нечѣмъ стало. И пошолъ онъ за 30 верстъ на такое озеро рыбáчить. Исправилъ онъ на этѣмъ озерѣ себѣ балагáнъ земляной и въ этотъ балагáнъ онъ перевёзъ жену и дѣтей. Послѣ этова онъ далъ клáтьбу, што „если я на себя (кажной день) не заýжу рыбу, то не буду я *исьː* день буду удить, а ночью Богу молúцца“.—Онъ не заýживалъ на себя, только заýживалъ на жену и на дѣтей. *То* Господь далъ ему терплѣнье: не ѣлъ онъ съ мѣсяцъ.

2. Потомъ тутъ такой день выдался,—заудилъ онъ двѣ рыбки лишнихъ; потомъ онъ не сталъ удить, прослàвилъ Бога: „слава Богу! Господь меня сужалѣлъ, далъ мнѣ на *прòпиталъ* двѣ рыбки лишнихъ!“ Сказалъ: „мнѣ жена сварúтъ севодни, я поѣмъ!“—Подходитъ къ балагану и женѣ говоритъ: „говори, жена: слáва Бохъ!“ — А жена отвѣчала: „а штó, старикъ? слáву Бохъ!“

Онъ женѣ объясняетъ, што „я севодня на себя заудилъ двѣ рыбки лишнихъ: Господь на меня далъ!“ — Жена: „не на тебя Богъ далъ, а я тебѣ родилà ишò два сына,—на ихъ Господь далъ двѣ рыбки лишнихъ!“—Потомъ старикъ сказалъ: „когда ты родилà два сына, я ешó не буду *исьː* ловúть буду. Слава Тебѣ, Господи, што ты меня не скричѣла, одна родилà!“ — Послѣ тово онъ трóи сутки удилъ, также заужàлъ на жену и на дѣтей, а на себя нѣтъ нисколь.

3. Ночь онъ промолúлся; поутру своей *хозяйкѣ* сказалъ, што нужно ихъ въ крешшóну вѣру везтú, дѣтей. *То* онъ оставилъ жену въ балагáнѣ, а самъ пошолъ въ селéнье за свяшшéнникомъ. Встрѣчу идётъ къ ему молодецъ, сказалъ: „куды, старикъ, пошолъ?“—„Родилà у меня жена два сына, нужно ихъ въ крешшòну вѣру везти“.—А молодецъ отвѣ-

тилъ: „возьми меня въ кумовья!“ — То онъ посмотрѣлъ черезъ правое плечо, а показался ему нечистой духъ—этотъ молодецъ. Сказалъ старикъ: „отойди ты отъ меня, нечистой духъ! я и то въ грѣхахъ потонулъ безъ тебя. Какой ты мнѣ кумъ?“ — То онъ захохоталъ, этотъ молодецъ, пошолъ отъ ево въ сторону, а старикъ пошолъ дорогой.

Отошолъ онъ немножко,—идетъ молодецъ ешо чишше тово навстрѣчу. И этотъ молодецъ сказалъ: „куда тебя Господь понесъ, старичокъ?“ — Старикъ молодцу сказалъ: „у меня жена родила два сына, мнѣ охота въ крешшону вѣру привести, я пошолъ за свяшшенникомъ“. — „Возьми меня къ себѣ въ кумовья!“ говоритъ етотъ молодецъ. Поглядѣлъ онъ черезъ право плечё и видитъ, што показался хорошой души.

Старикъ ево пригласилъ въ кумовья. — „Когда ты меня приглашаешь въ кумовья, я тебѣ дамъ три золотыхъ: свяшшенникъ не поѣдетъ даромъ на своей лошадкѣ; не утай (не жалѣй ихъ), отдай эти три золотыхъ свяшшеннику! Я пойду къ твоёй женѣ, а ты *тупай* къ свяшшеннику!“ (Господь ангела сослалъ ему, онъ только молодцомъ оказался).

4. *То* старикъ не больше часу шолъ: не въ *кою* пору доходитъ до селенія. То приходитъ къ свяшшеннику. — „Батюшка, я до твоёй милости: у меня родила жена два мальчика; вотъ на такомъ-то озерѣ я живу, за 30 вёрстъ. Нужно мнѣ ихъ въ крешшону вѣру окрестить, я до твоёй милости пришолъ“.—Свяшшенникъ ему на то сказалъ: „ты бы склалъ ихъ въ полу, приташшылъ бы, я бы ихъ окрестилъ, ты бы уташшылъ ихъ домой!“ Свящшенникъ приказалъ: „выберись изъ моёва дому, я не поѣду!“

Потомъ онъ подходитъ къ столику (старикъ), клалъ ему на столикъ три золотыхъ. Во второй разъ онъ изъ горницы выходитъ, глядитъ: на столикѣ три золотыхъ, старикъ положилъ. — „Ахъ, старичокъ, у тебя *ишо* три золотыхъ водицца!.. Стряпка, становй самоваръ, мы съ имъ чайку напьёмся!“ А кучеру велѣлъ лошадь запрекчи: „поѣдемъ мы съ имъ дѣтей окрестить“. — Старикъ сказалъ: „нѣтъ, батюшко, я чаю твоёва не буду пить; ты чаю напьёшша, поѣдешь, меня нагонишь, а я пойду пѣшкомъ“.

5. Старикъ меньше чаю шолъ; свяшшенникъ *ешо*, пожалуй, только изъ двора пошевелился,—ужъ онъ пришолъ

на озеро къ своему балага̀ну. Гдѣ балага́нъ стоялъ, тутъ, на томъ мѣстѣ, образова́лся домъ ка́менной и кругъ до́му цвѣты росцвѣли́. Удиви́лся старикъ. „Неужели я неладно пришо́лъ? про̀луби мои, а балага́ну нѣтъ!“—*То* какъ вразъ выбѣгаютъ ево старшіе дѣти изъ ко̀мнатъ отца стрѣча̀ть. *То* онъ дѣтя́ми говорилъ: „хто вы́строилъ этотъ домъ?“ — „Пришолъ къ намъ какой-то молоде́цъ, вдругъ всё появилось“. — *То* заходи́лъ онъ въ домъ; кумъ сидѣлъ ево на лавкѣ. Старикъ говоритъ куму: „какъ, кумъ? непремѣнно свяшшенникъ роздýмалъ! я сколь доро́гой оглядывался, а онъ меня не догоня́етъ“. — „Свяшшенникъ въ путѣ, скоро пріѣдетъ“. (Ангелъ какъ не знаетъ!).

Дѣйствительно, свяшшенникъ пріѣзжаетъ къ етому дому, сдивился. „Неужели я неладно пріѣхалъ? Онъ сказалъ мнѣ: живу въ балаганѣ, а *етта* домъ ка́менной! это што такое?“—Свяшшенникъ здумалъ назадь воротúцца отъ етова до́му. Потомъ, значитъ, анделъ ево посылаетъ: „кумъ,— говоритъ:—*тупа́й*, свяшшенника зови въ свой домъ!“—Выходитъ старичокъ, свяшшенника зоветъ въ домъ. Свяшшенникъ: „Ахъ, старичокъ! какъ пожива̀ешь? сказалъ, што живу въ балага́нѣ, а домъ у тебя вотъ какой, што въ селе́ньѣ такова дому нѣту!“ — А старикъ на то сказалъ: „на всё Господь!“

6. Заходятъ въ домъ. Потомъ кумъ говоритъ: „ты, кумъ, поди въ кладову́ю, три покло́на поло́жь; тутъ есь купе́ль. А я пойду за водой: мнѣ подоба́ецца за водой итти!“—Подходитъ старичокъ къ кладовой, поло̀жилъ три поклона; дверь отвори́лась: стои́тъ двѣ купели — одна золота, друга́ серебряна. *То* онъ взялъ золоту́ю купель, выта́скиваетъ, стано̀витъ середь по́лу. Кумъ наливалъ въ купель воды; приказалъ отцу́ сходить за дѣтя́ми, дѣте́й приташшыть. Старикъ приходитъ изъ той комнаты безъ дѣтей. „Сходи, кумъ, са́мъ ташшы́ дѣтей: ру́ки у меня не подыма́юцца взять ихъ“. (Самъ испужа́лся, што такое). Кумъ отпра́вился за дѣтя́ми за ево; приходитъ, тово взялъ на́ руку, другова— на другую. *То* приноситъ дѣтей — одинъ сынъ въ золотой ризѣ, а другой въ сере́бреной. Свяшшенникъ, смотря́ на мальчиковъ, оробѣлъ. Анделъ отвѣчалъ свяшшеннику: „открывай книгу, гляди́, какой сево́дни день андела: такіе и имена давай!“

Свяшшенникъ на то ему сказалъ, што „мнѣ подоба́ецца ихъ (такихъ мальчиковъ) крестить?“ —„Нѣтъ, духовни́къ, онѣ въ крешшо́ну вѣру не введе́ны, полагаецца ихъ кресті́ть“.— То роздѣлъ ихъ изъ ризъ, подаётъ свяшшеннику, и онъ посмотрѣлъ въ кни́гу, назна́чилъ *имя́* имена́; окрестилъ. И пе́редалъ анделъ отцу, сказалъ: „снеси́ женѣ и по́ три поклона за ихъ поло́жь!“—А изъ купе́ли воду вылилъ, поста́вилъ середь по́лу купель. Старикъ приходитъ; онъ приказалъ ему купель на мѣсто снести, выйти изъ кладовой поблагодарить купе́ль и три поклона поло́жить. (А свяшшенникъ всё глядитъ на ихъ, што онѣ исправляютъ).

7. Старикъ сташшы́лъ купель и говоритъ: „кумъ, нѣтъ ли чѣмъ накормить свяшшенника? свяшшенникъ пріѣхалъ за́ 30 вёрсъ, небо́сь *ись* захотѣлъ“.—Кумъ ему сказалъ: „поди́, кумъ, къ этой кладовой, три покло́на поло́жь, отво́рицца дверь,— тутъ есь на сто́ликѣ всё, ташшы́ сюды́“.—Старикъ три покло́на поло́жилъ, отвори́лась дверь, — на пристолѣ всево довольно; онъ постоя́лъ, а ничево́ не взя́лъ, такъ выхо́дитъ.—„Кумъ,—говоритъ:—чѣмъ таскать, нельзя ли намъ за этимъ пристоломъ покушать?“ — „Можно, — сказалъ: — иди́, ба́тько, съ на́ми!“—Заходятъ, сади́цца за пристолъ за этотъ.

Сидѣли очень долго. Анделъ сталъ говорить свяшшеннику: „батюшко(а), теперь тебя нужно провожать отсюда, сидимъ мы очень долго за пристоломъ“.—А свяшшенникъ: „не очень, — говоритъ: — сиди́мъ долго; какъ я пріѣхалъ, не больше,—говоритъ:—какъ часа́ три и съ ѣздой прошло вре́мя!“—А а́нделъ отвѣчаетъ: „нѣтъ,—говоритъ:—батюшко, ты теперь у насъ гости́шь три года, прошло три зимы́ и три лѣта, а тебя бе́зъ вѣсти потеряли: на твоёмъ мѣстѣ служитъ свяшшенникъ другой“.—„Нельзя ли, милые дѣти, мнѣ съ вами жить?“ сказалъ свяшшенникъ. (Поглянулось ему).

Анделъ сказалъ, што „ты здѣсь жить не досто́енъ. *Тупай* ты на своё мѣсто, тебѣ отъ Бо́жьёва храму не отка́жутъ. Когда е́жли охота свою душу спасти, дакъ ты што тебѣ дадутъ, дакъ только то и бери! а не то, што за „вѣнча́нье давай 10 рублей“; а тебѣ только бы *пропиталъ* былъ, и ладно! Ты человѣкъ начи́танной, слѣпыхъ людей на умъ наставля́й, штобы онѣ Бога могли признавать!“

8. Проводи́ли свяшшенника домой, остались двое. — „Кумъ, — говоритъ: — моё дѣло старое; ты уйдёшь! скажи́ мнѣ, чѣмъ я буду своихъ дѣтей пропитывать?“ (А онъ не знатъ, што онъ ангелъ; видитъ, што онъ хорошой души́).— То ангелъ сказалъ: „поди, — говоритъ: — тутъ есь кладова̀; въ этой кладовѣ есь большой мѣшокъ и кирка́, — ташшы́ сюды́!“—То приташшы́лъ дѣйствительно большой мѣшокъ, кирку и лопатку.—„А женѣ твоёй на *пропиталъ* тутъ всево довольно будетъ! Пойдёмъ мы съ тобой по *Ура̀лу*!“

Идутъ онѣ *Ура̀ломъ*, доходятъ до такихъ травъ; вели́тъ онъ ему и́съ корню копа́ть эти травы. Накопа́ли этѣхъ (всякихъ) травъ полонъ мѣшокъ. То сказалъ: „*мотри́*, кумъ, будешь ты такой дохтуръ,—по свѣту только одинъ, проти́въ тебя никакова дохтура больше не будетъ! Народъ не будетъ меня видѣть, только видѣть ты будешь меня одинъ: стану я къ которому рабу въ головы, ты тово раба лѣчи; стану я къ которому рабу въ ноги, ты тово раба не лѣчи ужъ! *Мотри*, кумъ, што̀ тебѣ только дадутъ, ты только то́ бери́, а не дадутъ—и такъ лѣчи; а взятки большіе за лѣченье не бери!“

9. „Пойдёмъ мы съ тобой къ королю. Король лёжитъ, 30 лѣтъ хвораетъ ужъ. Онъ весь въ *про́лежняхъ*, король; на сима́хъ (въ зыбкѣ) виситъ, не можетъ на крова́тѣ лёжа̀ть“.— То приходятъ *къ* королю́; ангелъ стаётъ *къ* королю́ въ го́ловы,—короля подобаецца лѣчить. А старикъ называецца руськимъ дохторомъ.—„Не желаешь ли, господинъ король, здоровья? Я тебя вы́лѣчу!“—А король на отвѣтъ сказалъ, што „если ты меня вы́лѣчишь, дарю я тебя города́ми и пригородками, и деревня́ми; бери всё это себѣ, только вылѣчи!“—Вынима́етъ онъ травъ, *натопилъ* (запарилъ въ горячей водѣ) этихъ травъ, подаётъ королю лѣкарство это (въ такѣй водѣ). То король эти лѣка́рствы пилъ три дня,— налились въ имъ крови и сдѣлалась ему легота́ лучше старова. Король сказалъ, што „всѣмъ ты дохтура́мъ дохтуръ! изо всякіихъ земель я достава́лъ дохтуро́въ, покромѣ тебя нихто меня не могъ вы́лѣчить!“

Король написа́лъ письмы, послàлъ по всѣмъ держа́вамъ, што „вѣрю я по себѣ: хто если шипко скудно хвора́етъ, ѣхали бы за имъ: покромѣ етова лучше дохтура нѣтъ“.— Потомъ ево дарилъ городами и деревня́ми, также много

золотой казны и имущества, и отвёлъ ему (далъ ему) на вѣки городъ и домъ.

10. Тогда письмо получилъ одинъ король, посылаетъ за имъ карéту и послáнника, за этѣмъ дохтуромъ. Тожо боленъ король. Пріѣзжаетъ кучеръ, пó поесъ клáнялся—звалъ ево къ себѣ въ городъ короля́ лѣчить. Садился тогда дохтуръ въ карету, катился въ королéвство. Пріѣзжаетъ, заходитъ *хъ* королю въ домъ. Дохтуръ подходитъ *хъ* королю, а ангелъ стаётъ *хъ* королю́ въ ноги: ево не подобáецца лѣчить, короля́. Король съ дохтуромъ поздоровался. Сказалъ король: „если ты меня, руською дохтуръ, вылѣчишь, я тебѣ много подарю́ имущества и золотой казны́ и отпрáвлю на своихъ лошадяхъ“.

Захотѣлось дохтуру ево вылѣчить; поворотилъ, значитъ, за *спины́* къ ангелу головой. Ангелъ ничево ему тутъ не сказалъ, а только отворотился. То онъ запарилъ своихъ травъ всякихъ, подавать сталъ королю́. Вылѣчилъ ево въ трои сутки. Дарилъ много ему король золотой казны и имущества и отправилъ на своихъ лошадяхъ въ свой городъ.

11. Потомъ онѣ пріѣзжаютъ. Онъ и говоритъ: „Кумъ,—говоритъ:—*тупай*,—говоритъ:—ты на ето озеро, вези съ озера свою жену и дѣтей сюды́: здѣсь у васъ богатство во вѣки не прожить! А я тебя дождусь“.—То онъ запрёкъ карету; пріѣзжалъ на то мѣсто, видитъ: онѣ уже не въ домѣ, а въ балаганѣ лёжатъ. (Дóма-та ужъ нѣту: ангела-та омманулъ, такъ живи по-стáрому!). То онъ посадилъ жену и дѣтей, привозитъ въ етотъ самой городъ, гдѣ ему подарёно.

12. „Ну, кумъ, я у тебя въ гостяхъ долго былъ; теперь пойдёмъ ко мнѣ въ гости!“—То онъ повёлъ ево не путéй, не дорогой,—дикимъ мѣстомъ, *Ураломъ*. До той степени онъ ево вёлъ, што етотъ дохторъ на себѣ всё привáлъ и съ тѣла кровь на немъ льётъ ручья́ми. Сказалъ этотъ дохторъ старикъ: „кумъ,—говоритъ:—за тебя, я гляжу, ништо не задѣваетъ, а я на себѣ всё привáлъ, мнѣ трудно за тобой идти“.—А ангелъ сказалъ: „Господь не ето терпѣлъ, а ты што не можешь терпѣть, што изъ тебя кровь побѣжáла!“

13. Завёлъ онъ ево въ пешшóры. Оказались: горя́тъ свѣчи. То ево дохтуръ сказалъ: „это, кумъ, што такое? горятъ свѣчи къ чему?“—Анделъ сказалъ, што „ето наша

жизнь продолжа̀ецца: которой рабъ роди́цца, тому стано́вицца и свѣча́; если можетъ рабъ сто годовъ жить, и она сто годовъ горитъ, эта свѣча“.—„А што жо, кумъ,—говоритъ:—которая моя свѣча̀?“—„А вотъ гляди: твоя свѣча сечасъ потухнетъ, и жись твоя наруши́цца“.—„Нельзя ли, кумъ, переста̀вить (перемѣнить) другую? у меня дѣти ма̀лы, теперь бы надо только пожить бы!“ говоритъ.—Анделъ ему сказалъ: „два разъ Бога не омма̀нываютъ! Королю *прина-слѣдно*,—говоритъ:—помирать, а ты ево здумалъ лѣчить; я тебѣ нака̀зывалъ,—говоритъ:—ты не попомнилъ. Твоёй свѣчѣ ешо горѣть 30 лѣтъ, я перемѣнилъ твою свѣчу королю—онъ *ешо* проживётъ 30 лѣтъ. А тебѣ перемѣнилъ свѣчу короля́; жись твоя короткая остаёцца: дойдёшь домой, а не то и не дойдёшь—дорогой помрёшь! Пойди же ты теперь домой. Можетъ, если подойдёшь домой, благослови своихъ дѣтей и лёжись подъ святую икону, съ душой разстава̀йся!“

Очень скоро бѣжалъ, торопился, бѣжалъ домой. Сказалъ женѣ:“ дай мнѣ теперь рубашку и подштанники бѣленькіе,—мнѣ теперь помирать!“—Лягъ онъ подъ святую икону, благословилъ своихъ дѣтей, перекрестился и скончался.

---

16. „Илья Муромецъ“.

1. Жилъ былъ мужичокъ. У ево было 12 сыновьёвъ и 12 дочерей; одинъ, Илья Му́ромецъ, былъ безъ ногъ. Отецъ ево отвёзъ въ лѣса́, въ особенную избушку, и онъ Богу молился 12 лѣтъ. Лѣтней порой приходитъ къ ему старичокъ. Старичокъ поздоровался съ имъ и говоритъ: „Илья Муромецъ, нѣтъ ли што у тебя напи́цца?“ — Илья отвѣчаетъ: „есь у меня пивцо́, отецъ привёзъ, только у меня ногъ нѣтъ; не сходишь ли самъ ты?“—Старичокъ сказалъ: „какъ добрые люди хо́дятъ, такъ и ты стань да поди́!“ — Тогда Илья Муромецъ сталъ, взялъ *туесъ*, пошо́лъ, принёсъ туесъ пива. Старичокъ немного по́пилъ и говоритъ: „Илья Муромецъ, ну-ко теперь послѣ меня допей это пиво, изъ етова туеска̀!“—И онъ вы́пилъ. Объяснилъ старику, што „я чую въ себѣ силу непомѣрную: штобы былъ столбъ отъ земли